

Глядя на мальчика, плачущего у него на руках, маленького и мягкого, Цюй Яцзун почувствовал, как его сердце тает вместе с ним.

Бай Лисинь выплеснул достаточно своего разочарования и недовольства, прежде чем с икотой оторвал свои красные и опухшие глаза от рук Цюй Яцзуна.

Он посмотрел на обеспокоенное лицо Яцзуна, скользнул взглядом по окровавленному плечу, вспомнил дискомфорт от укрепления тела и расхохотался.

Как только он засмеялся, мрачная атмосфера в комнате рассеялась.

Цюй Яцзун посмотрел на молодого человека, который смеялся без всякой причины, а затем оглядел внезапно красочную комнату, его глаза вспыхнули от изумления.

Бай Лисинь икнул и спросил срывающимся от смеха голосом: «Почему ты не оттолкнул меня, когда я так больно укусил тебя?»

Цюй Яцзун посмотрел на юношу и покачал головой: «Все в порядке, мне не больно. Хорошо, что твой гнев утих.»

— Хм, так ты хочешь, чтобы я выплеснул свой гнев? Бай Лисинь поджал губы и свирепо посмотрел: «Ты думаешь, это дорама с идиолом, позволяющая мне укусить тебя и простить тебя? Ты знаешь, что то, что ты сделал прошлой ночью, было преступлением?»

Ангел Цюй Яцзун слегка улыбнулся этим словам. Он обвинил демона Цюй Яцзуна в том, что он «думает, что это идол-дорама» за дверью, но как только он вошел, над ним издевались в ответ. Подросток на самом деле думал о том же, что и он.

Улыбка и тепло в его глазах заставили Бай Лисиня, который смотрел краем глаза, на мгновение замереть.

Бай Лисинь дважды кашлянул и снова икнул, обернувшись и ткнув указательным пальцем в грудь Цюй Яцзуна: «Чего ты смеешься? Ты понимаешь суть?»

Цюй Яцзун снова рассмеялся и не мог не поднять руку, чтобы погладить прямые черные волосы мальчика: «Это все моя вина. Я в твоей власти, если ты хочешь убить меня, но, пожалуйста, не расстраивайся больше. То, что произошло прошлой ночью, было моей ошибкой, а не твоей, и тебе вовсе не нужно наказывать себя за мои ошибки.»

— В моей власти? Темные глаза Бай Лисиня повернулись и, стиснув зубы, сказал: «Хорошо, тогда с сегодняшнего дня и до возвращения моего брата ты будешь учить меня рисовать сам. Я хочу научиться рисовать».

Рисование? Разве молодой человек не утверждал, что любит танцевать? Почему он захотел научиться рисовать именно сейчас?

Заметив удивление Цюй Яцзуна, Бай Лисинь склонил голову и сказал: «На этот раз что-то случилось с компанией Юньхая. Если бы не знания моего брата в живописи, я не знаю, что случилось бы с бизнесом Юньхая. Я также хочу однажды помочь Юньхаю, так что, если я снова столкнусь с такими вещами в будущем, я надеюсь, что я буду тем, кто будет стоять рядом с ним, а не мой брат.

Юньхай обычно восхищается работой моего брата и часто хвалит его передо мной. Моя нога была цела, и я только и делал, что танцевал весь день, совершенно не в силах оставаться на месте. Теперь, когда моя нога и ступня повреждены, я хочу научиться рисовать. Я хочу знать, какие мысли возникают у людей, умеющих рисовать, когда они смотрят на эту картину. Я думаю, что у нас будет общий язык с Юньхаем.»

Слыша, как молодой человек снова и снова выкрикивает «Юньхай», Цюй Яцзун крепко сжал материал в руке, и в его глазах потемнело.

Чжао Юньхай, как ты мог привлечь внимание этого молодого человека?

Бай Лисинь скользнул краем глаза по материалу в руке Цюй Яцзуна, а затем посмотрел на его холодное, заледеневшее лицо. Скривив губы в улыбке, он показал невинное выражение: «Что, не согласен?»

Ангел Цюй Яцзун подавил злобу в своем сердце и улыбнулся: «Конечно, я счастлив. Если ты хочешь учиться, ты можешь учиться, когда захочешь. Тебе даже рады в школе».

Бай Лисинь покачал головой и сказал: «Нет, я не хочу, чтобы они знали. Это мое дело, что я готов сделать это для Юньхая, но я не буду использовать это в качестве козыря или средства, чтобы морально похитить его, чтобы он мог быть добр ко мне.»

Сердце ангела Цюй Яцзуна снова дернулось. Он глубоко вздохнул и сказал низким голосом: «Хорошо, что бы ни делало тебя счастливым».

Он никогда еще не испытывал такого отвращения к кому-либо, как сейчас. Чжао Юньхай, я запомню тебя.

— Я знаю, ты тоже был в плохом состоянии прошлой ночью. Кажется, у тебя раздвоение личности, верно? Бай Лисинь сел на кровать и наклонился к Цюй Яцзуну: «Я не знаю, знает ли мой брат, но я не буду брать на себя инициативу говорить ему об этом. Ты парень моего брата. Я не хочу причинять боль своему брату, и ты тоже любишь моего брата, так что давай притворимся, что вчерашней ошибки не было, хорошо?»

Слушая, как подросток насильно привязал его к Су Жоу, у Цюй Яцзуна перехватило дыхание, и его сердце забилося так, как будто его сжимал кто-то другой.

Как же ему хотелось в этот момент сказать подростку, что он не любит Су Жоу, пожалуйста, не связывай их вместе, и что он не хочет притворяться, что прошлой ночи вообще не было!

Бог знает, как хорошо он чувствовал себя прошлой ночью!

Но разум подсказывал ему, что, как только он объяснит это подростку, это только спровоцирует его на очередной приступ обиды.

Цюй Яцзун только почувствовал, как у него пересохло в горле, когда он натянуто кивнул и сказал в ответ сухим голосом: «Хорошо».

Услышав обещание Цюй Яцзуна, Бай Лисинь вздохнул с облегчением и улыбнулся: «Хорошо. Брат не расстроится, если не узнает. То, что произошло между нами, должно сгнить в наших желудках; мы никогда не должны говорить ему!»

Цюй Яцзун встал, внимательно посмотрел на Бай Лисиня и сказал: «Я знаю. Я попрошу горничную принести еду в твою комнату позже. После еды следует хорошо отдохнуть».

Сказав это, Цюй Яцзун с трудом вышел за дверь.

На обратном пути в кабинет демон Цюй Яцзун безумно издевался над ним: «Глупый. Что заставило тебя пообещать Су Жоу в первую очередь?»

Ангел Цюй Яцзун сглотнул слюну. Его тон был с затаившим дыханием: «Я сделал свои собственные ошибки, но разве ты не сделал то же самое? Мы прошли пятьдесят из ста шагов и отпраздновали. В конце концов, разве мы не прострелили себе ногу, и разве Чжао Юньхай и Су Жоу не будут смеяться последними?»

Дьявол Цюй Яцзун внезапно потерял голос. Недавние слова ангела Цюй Яцзуна немного скользкие, с пистолетом и пролитой кровью, что слишком не похоже на него.

Пройдя два коридора и завернув за угол, Цюй Яцзун прибыл в кабинет. Как только он вошел, он сел в кресло, расстегнул две пуговицы на рубашке и тяжело дышал.

Информация расследования была небрежно разложена на столе. Они были крепко сжаты в руке Цюй Яцзуна и теперь выглядели рваными и стертými до неузнаваемости.

Демон Яцзун на мгновение задумался и сказал: «Дай мне контроль. Мне нужен Джоуи для кое чего».

На этот раз ангел Цюй Яцзун немного подумал и на самом деле кивнул: «Хорошо, давай».

Ангел Цюй Яцзун уже догадался, что тот собирается сделать, так что позволил ему. Это было то, что он хотел сделать в любом случае.

В трансе Цюй Яцзун закрыл глаза. И когда он снова открыл глаза, они были полны холода.

Бросив быстрый взгляд на информацию, скомканную в клочки бумаги, демон Цюй Яцзун усмехнулся, взял мобильный телефон со своего стола и набрал его.

В это время Джоуи держал мальчика в кошачьем костюме. Он уже собирался раздеть мальчика, как вдруг зазвонил телефон.

Выругавшись, Джоуи неохотно встал, его неохотное выражение лица превратилось в собачье, как только он увидел дисплей телефона.

Юркий мальчик, лежавший на кровати, взглянул вверх, сдунся и надел свою полураздетую одежду. Он взял несколько купюр из кошелька Джоуи и ушел, махнув рукой. Джоуи смотрел, как мясо уходит у него из под носа, и ему пришлось мучительно терпеть распухшую боль и честно отвечать на вопросы молодого господина.

Пролистывая расследование, Цюй Яцзун услышал прерывистый вздох Джоуи на другом конце линии и сказал: «Я скажу только одну вещь, а затем ты можешь продолжать».

Джоуи сглотнул и подумал: «Тогда ты должен поторопиться, юный господин, или эта маленькая фея спустится вниз и уйдет».

Цюй Яцзун не мог слышать сердце Джоуи, но все же был достаточно любезен, чтобы перейти прямо к делу и сказать: «Я довольно теплый и гостеприимный человек. Попроси двух людей, которых я попросил тебя расследовать, хорошо послужить и помочь им совершить забываемую поездку в страну Ю, особенно Чжао Юньхая.»

Джоуи выслушал невыразительный приказ Цюй Яцзуна и вздохнул в своем сердце: «Дорогие дети, поскольку вы оскорбили молодого господина, будьте готовы нести гнев дьявола».

С этими словами молодой господин Цюй Яцзун повесил трубку. Джоуи тут же вздохнул с облегчением, прежде чем схватиться за дверь и унести мальчика, ожидавшего лифта...

Демон Цюй Яцзун повесил трубку и не знал, что делать дальше.

Он задумался на мгновение и включил монитор, чтобы посмотреть, что делает молодой человек.

Экран медленно загорелся, но комната была пуста, и подростка неожиданно нигде не было. Цюй Яцзун застыл и переключился на другую камеру, чтобы продолжить просмотр.

Но после просмотра камер в комнате подростка все они оказались пустыми. Он встал и поспешил на поиски мальчика.

Мог ли он все еще думать о том, что произошло вчера?

С того момента, как он впервые появился, демон Цюй Яцзун никогда никого не искал, не говоря уже о том, чтобы заботиться о них, но теперь он был в растерянности, потому что молодой человек исчез.

В этот момент дверь ванной открылась.

Молодой человек появился из ванной, как белое яйцо в скорлупе. Вода капала из-под его темных волос, и его влажные глаза были ошеломленными и невинными.

Бай Лисинь не вымылся слишком тщательно из-за гипса на ноге. Он просто зачерпнул таз с водой и вытерся полотенцем, прежде чем помыть голову.

Цюй Яцзун также вымыл его прошлой ночью, избегая ноги, которая была в гипсе, так что его гипс не имел большого значения.

Бай Лисинь вытирал голову, когда вдруг услышал предупреждение от S419m: [Внимание! Предупреждение! За Хозяином наблюдают.]

Бай Лисинь неглубоко рассмеялся из-за слепой зоны камеры и спросил: [Это Цюй Яцзун?]

[Да Господин хозяин. Обязательно ли включать режим защиты от иллюзий?]

Так называемый режим защиты от иллюзий заключается в создании иллюзии перед камерой, чтобы сбить с толку глаза и уши. Наблюдение будет следить за всем, что должно контролировать через камеру, но на самом деле это всего лишь иллюзия.

Бай Лисинь покачал головой: [Нет, пусть смотрит. Я покажу ему все, что он захочет увидеть].

С этими словами в уме он намеренно распахнул халат и потер волосы, глядя в скрытую камеру.

Сердце Цюй Яцзуна подпрыгнуло, когда он увидел молодого человека, внезапно повернувшегося прямо к нему. Он даже видел, как мальчик взглянул в камеру, но затем обнаружил, что мальчик продолжает тереть свои волосы, как будто ничего не произошло, и

глубоко вздохнул.

Цюй Яцзун почувствовал себя виноватым и хотел выключить экран, но и не хотел.

Он посмотрел на молодого человека на кадрах и подумал про себя: «Еще одна минута, всего одна последняя минута, чтобы убедиться, что с ним все в порядке».

Но шла минута за минутой, а экран все еще был включен. Только когда Бай Лисинь медленно натянул штаны до колен, шоу закончилось навсегда.

Демон с сожалением вздохнул и беспомощно улыбнулся, почувствовав вздутие штанов.

Но он не пытался облегчить его руками; вместо этого он вынул из ящика стола сигарету и закурил. Он глубоко затянулся сигаретой, а затем позволил теплу пройти по животу.

Он тосковал по красоте юноши, но в то же время позволял вздутию в штанах стоять, не стреляя. Как мазохист, он позволил ощущению миллионов муравьев грызть свои конечности, что было невыносимо.

Со временем болезненная выпуклость не уменьшалась, а становилась все более горячей и неудобной. Цюй Яцзун глубоко вздохнул и собирался пойти в ванную, чтобы справить нужду.

Но в этот момент в дверь кабинета внезапно постучали.

Цюй Яцзун сказал неприятным голосом: «Уходи».

За дверью повисла пауза, прежде чем раздался прохладный молодой голос: «Теперь я хочу учиться живописи. У тебя есть какие-то дела, и мы не можем сделать это сейчас?»

Сердце демона Цюй Яцзуна дрогнуло. Глядя на закрытую дверь, а затем на промежность, он не мог не схватиться за голову и нахмуриться.

Со стоном демон Цюй Яцзун вздохнул: «Теперь все в порядке. Заходи.»

На подростке все еще была пижама, которую он только что надевал на видеозаписи, пижама так туго обтягивала его, что не позволяла никому взглянуть вполсилы.

Увидев свежий и безобидный вид мальчика, демон Цюй Яцзун снова издал беззвучный стон и сказал ангелу Цюй Яцзуну: «Эй, малыш ищет тебя».

Прежде чем ангел Цюй Яцзун успел что-либо сказать, он погрузился в глубины своей души и

своего сознания.

Ангелу Цюй Яцзуну насильно дали контроль, и на его лице выступил холодный пот.

Как только он взял под свой контроль тело, беспорядок, оставленный демоном Цюй Яцзуном, перешел к нему. Зуд в штанах был невыносим, и ангел горько улыбнулся: «Иди в студию и жди меня. Когда выйдешь отсюда, на развилке поверни налево, и вторая комната — студия. Дверь не заперта, так что можете войти сам.»

Бай Лисинь бросил быстрый взгляд на Цюй Яцзуна, послушно кивнул и вышел.

Как только Бай Лисинь вышел из комнаты, ангел Цюй Яцзун встал, запер дверь и проклял в душе: «Ты трус. Ты не смеешь делать то, что начал. Что, черт возьми, ты делал, оставив меня с этим беспорядком?»

Голос демона исходил из глубины души: «Ничего, просто подглядываю за тем, как кто-то одевается».

Ангел Цюй Яцзун потерял дар речи: «Ты безнадежен!»

Затем ангел Цюй Яцзун вошел в ванную, примыкающую к кабинету, и принялся справлять нужду.

Через тридцать минут он вышел посвежевшим. Посмотрев в зеркало и приведя в порядок свою одежду, Цюй Яцзун открыл дверь и поспешно направился в студию.

Он осторожно толкнул дверь и обнаружил молодого человека, сидящего перед чертежной доской. Спина молодого человека была слегка прогнута, и он сидел не прямо.

Он выглядел расслабленным, его нога в гипсе опиралась на другую, и он зачарованно смотрел на картину перед собой, подперев одной рукой щеку.

Цюй Яцзун не мог резко побеспокоить его, поэтому замедлил шаги и осторожно подошел к нему. Когда он был почти там, мальчик все еще смотрел на картину.

Только тогда Цюй Яцзун ускорил шаг и дважды тихонько кашлянул.

Бай Лисинь оторвался от картины, наклонил голову, чтобы посмотреть на Яцзуна, и удивился: «Твоя картина просто слишком красивая».

Цюй Яцзун слегка улыбнулся и сказал про себя: «Нет, это ты прекрасен. Ты тот, кто вдохновил

меня. Ты тот, кто на картине!»

Похвалив картину, Бай Лисинь снова продолжил смотреть на нее, удивление в его глазах переполняло его.

На этот раз это все еще была картина маслом, но по стилю она сильно отличалась от «Безмятежности».

«Безмятежность» выполнена очень плавными мазками, придающими картине мирное и безмятежное ощущение, которое согреет сердце любого.

Эта картина, однако, была похожа на бегущую революцию. Молодой человек свободно бежит по большому морю, его пальцы ног указывают на поверхность чистого голубого озера, вода отражает его светлую кожу.

Юноша одет в струящийся наряд с длинными рукавами, развевающимися на ветру.

Подросток бежит по морю с расслабленным и свободным выражением лица, рукава и подол одежды развеваются на ветру, широко растягиваясь по всей сцене.

Если смотреть на «Безмятежность» — значит видеть тепло покоя и умиротворения, а если смотреть на эту картину — значит свободно летать; один очень неподвижен, другой чрезвычайно подвижен.

Но картина была еще не завершена. Цюй Яцзун нарисовал только общий контур молодого человека и нижнюю часть сцены. В верхней части холста на макушке юноши все еще остается большое пустое пространство, что означает, что Цюй Яцзун, вероятно, еще не закончил свою работу, и очертания лица юноши видны лишь смутно, а более тонкие черты еще не обрисованы.

Цюй Яцзун увидел удивление в глазах Бай Лисиня и был польщен.

Его работы хвалили бесчисленное количество людей, включая мастеров уровня национального достояния, членов королевской семьи и простолюдинов, но он никогда не был так тронут, как сейчас.

Цюй Яцзун пододвинул стул с одной стороны и поставил его рядом с Бай Лисинем, а с другой стороны достал новый мольберт. Установив мольберт на нужную высоту и закрепив соответствующую бумагу, он сел рядом с Бай Лисинем и сказал: «Картина еще не закончена. Я покажу ее тебе, когда она будет».

Бай Лисинь кивнул и вздохнул: «Это уже так впечатляет, даже не закончив. Если бы это было так, это было бы небесно.»

«Цюй Яцзун, ты чудо, посланное в этот мир с небес. Люди называют тебя «реинкарнацией Леонардо Да Винчи», но раньше я не думал, что это имеет большое значение. Однако, увидев сегодня твою картину, я понимаю, почему. Каким сильным сердцем и силой живописи ты должен обладать, чтобы заставить людей резонировать, просто взглянув на картину. Те, кто говорят, что ты потерял свой талант, просто несут чепуху. Ты не потерял свой талант, ты его явно прячешь, да?»

Услышав щедрые слова похвалы Бай Лисиня, румянец вспыхнул на щеках Цюй Яцзуна, и его глаза слегка дрогнули, когда он сказал: «Разве ты не хочешь научиться рисовать? Сначала я научу тебя базовым навыкам.»

Цюй Яцзун был серьезным учителем. Хотя он не преподавал в частном художественном университете, он не мог перестать учить и воспитывать других.

Как только он вошел в режим обучения, все его лицо стало серьезным. Когда Бай Лисинь увидел внезапное изменение ауры Цюй Яцзуна, он тоже последовал его примеру и внимательно прислушался.

Время пролетело очень быстро, и Цюй Яцзун говорил целых два часа, прежде чем остановился.

Положив кисть на чертежную доску, Цюй Яцзун мягко сказал: «Хотя то, что я сказал, является вводным знанием, оно все еще немного неясно и трудно для понимания новичками. Так что ты сможешь переварить это, когда вернешься, а завтра я научу тебя, как это делать.»

Бай Лисинь издал «mmm» и взял кисть, которую Цюй Яцзун положил на чертежную доску, нанес немного краски и нарисовал на чистом листе бумаги, сказав во время рисования: «Ранее ты сказал, что рисовать не нужно формально, но самое главное — уметь передать через бумагу то, что у тебя на уме».

Бай Лисинь окунул кисть в политру для рисования и нанес другой цвет, продолжая рисовать.

Цюй Яцзун сидел в стороне, спокойно глядя на картину Бай Лисиня. Было уже поздно, и изначально он собирался позволить Бай Лисиню снова отдохнуть, но неожиданно мальчик внимательно выслушал его урок и даже пошевелил руками.

Когда он попытался это сделать, Цюй Яцзун не смог его прервать, поэтому сел в сторонке и молча наблюдал.

Пока он смотрел, ангел Цюй Яцзун немного ошеломился.

Он подозрительно взглянул на Бай Лисиня, желая что-то сказать, но потом заколебался. Увидев, что молодой человек не закончил рисовать, он не мог его прервать, поэтому ему пришлось сдерживать свои сомнения и он планировал дождаться, пока молодой человек

закончит, прежде чем спрашивать его.

<http://bllate.org/book/15650/1399561>